

Глава 9

— Я ещё не старая, и уши у меня не заложило, — равнодушно отозвалась матушка Вань. Она подняла голову, смерила сына презрительным взглядом, посмотрела на его губы, а затем снова опустила глаза на длинную иглу в своих руках, словно размышляя, не зашить ли ему этот вечно кричащий рот.

Она работала уже довольно долго, и вышивка на туфле была почти закончена, оставалось всего несколько стежков.

Когда Вань Дунъян подошёл к дому, из кухни выглянула его невестка, Линь Цююэ. Увидев его, она велела ему пойти на холм за домом и позвать Вань Юньяня обедать.

— Хорошо, сейчас пойду, — ответил Вань Дунъян, но уходить не спешил. Вместо этого он потянул мать в дом. Прежде чем войти, он бросил взгляд на Лю Цишуана, который смиренно сидел в сторонке и работал.

У Лю Цишуана будто были глаза на затылке. Когда матушка Вань, ворча, вошла в дом, он осторожно взглянул в сторону главной комнаты. Но он не осмелился смотреть долго, тут же выпрямился и с новой силой принялся за работу, боясь, что его упрекнут в лени.

Но...

Толочь зерно, как и рис, поначалу не кажется тяжёлой работой. Но со временем понимаешь, что это ничуть не легче, чем работать в поле. Руки ноют, шея и спина затекают.

Вань Дунъян затащил мать в маленькую комнату в глубине дома. Не успел он и слова сказать, как она дважды шлёпнула его по руке.

— Ты что творишь? Тащишь меня сюда тайком? Что ты натворил?

Вань Дунъян и так был не в духе, а теперь и вовсе помрачнел. На его лице появилось недовольство. Он не из тех, кто держит обиду в себе, и с раздражением сказал:

— Я же тебе говорил, не заставляй его делать тяжёлую работу. Пусть подметёт, поможет тебе с шитьём, нитки разберёт, и хватит.

Матушка Вань, услышав упрёк сына, хотела было объяснить, что она и не собиралась утруждать Лю-гэра, просто увидела, что ребёнок сидит как на иголках, и дала ему небольшое дело. К тому же, она насыпала всего лишь меру кукурузы, это около четырёх цзиней, и велела ему отдыхать, если устанет. Она вовсе не собиралась его мучить.

Но, опомнившись и увидев выражение лица сына, она передумала объяснять. Вместо этого она серьёзно посмотрела на него.

Они были матерью и сыном, и Вань Дунъян по одному её взгляду понял, о чём она думает. Он тут же взмолился:

— Ох, матушка родная, да сжался ты надо мной! Он же ещё ребёнок, не выдумывай!

— А чего ты тогда так себя ведёшь? Будто я твоего маленького фулана замучила, а ты пришёл со мной разбираться, — матушка Вань, поняв, что сын раскусил её, отбросила подозрения.

Подумав, она решила, что это действительно невозможно. Ребёнок хоть и называет её тётушкой Вань, но по возрасту она ему в бабушки годится. Да и сын её намного старше. Это всё пустые домыслы.

Вань Дунъян и не собирался скрывать историю с полем, просто не успел рассказать. Увидев, что мать напридумывала себе невесть что, он подробно изложил ей всё, что случилось позавчера.

— В общем, я позвал его не для того, чтобы он работал, а чтобы извиниться. Не заставляй его делать тяжёлую работу. Этот пест нелёгкий. Даже Сяохуа никогда не соглашается толочь зерно, а Лю-гээр не намного её старше, и сил у него, конечно, немного.

Вань Дунъян пожалел, что не рассказал всё раньше. Если бы он вчера вечером всё объяснил, то сегодня утром ребёнку не пришлось бы работать, а ему — выслушивать несправедливые упрёки матери.

Он думал, что, объяснив всё, решит проблему. Но, выслушав его, мать разозлилась ещё больше. Она схватила его за ухо и так дёрнула, что он взвыл от боли и принялся умолять о пощаде.

— Мама, мама, больно, больно, отпусти!

Вань Дунъян согнулся, следуя за рукой матери, боясь, что она оторвёт ему ухо.

Матушка Вань была в ярости! Ей хотелось как следует отходить Вань Дунъяна!

Она и раньше чувствовала, что Лю-гээр не из тех, кто врёт и ищет ссоры. Наверняка в тот день всё устроил тот гээр из семьи Ван. Но она и подумать не могла, что её собственный сын, зная правду, будет молчать, да ещё и позовёт ребёнка на отработку. Что это за издевательство?!

— Мне всё равно, почему ты молчал. Ты должен всё объяснить Лю-гэру. Если ты не скажешь, скажу я. Не смей унижать его только потому, что его семья бедная, — голос матушки Вань был

строгим, и было ясно, что она не шутит.

Вань Дунъян понуро кивнул и пробормотал:

— Да не унижал я его, я компенсировал. И я не собирался молчать, просто случая не было!

В этом мать была к нему несправедлива. Он собирался через несколько дней найти возможность и всё объяснить. Кто же знал, что она не послушает его и заставит ребёнка толочь кукурузу, а это работа тяжёлая.

— Смотри у меня! — матушка Вань понизила голос и, выглянув за дверь, прошептала: — Человек живёт добрым именем. Бедность — не повод терять достоинство. Какие-то несколько обедов — это не главное. Главное — справедливость. Нельзя напрасно обвинять человека.

— Тогда не вмешивайся, я сам с ним поговорю, — Вань Дунъян с поникшим видом вышел из комнаты и подошёл к Лю Цишуану. Не раздумывая, он выхватил у него из рук пест.

Лю Цишуан, увидев, что его руки пусты, испугался и поспешно сказал:

— Я должен работать. Это тётушка Вань велела мне толочь кукурузу и пшеницу.

Лю Цишуан пришёл в дом семьи Вань, готовый работать в поле. Он подумал, что Вань Дунъян, увидев, что он занимается такой лёгкой работой, разозлился и поэтому поссорился с матерью.

Он и не подозревал, что его слова заставили матушку Вань, как раз выходящую из дома, потемнеть в лице. Она смерила Вань Дунъяна испепеляющим взглядом.

«Что за дела, — подумала она, — обвинили человека, да ещё и заставили его работать!»

— Я смотрю, вчерашнего тебе было мало! — не выдержав, крикнула она. — Почему ты в том поле на ночь не остался? — увидев, что он всё ещё молчит, она поторопила его: — Что ты стоишь как истукан? Не скажешь ты — скажу я.

— Знаю, знаю, — Вань Дунъян не был стеснительным. Ему было неловко не потому, что он не хотел говорить, а потому, что он не знал, как начать.

Он не мог понять характер этого Лю-гэра. Любой другой на его месте был бы рад такому раскладу — лишь бы накормили. Но этот гээр был другим.

Он и не подозревал, что этот с виду тихий гээр может быть таким упрямым.

— Насчёт того случая в поле... я знаю, что это дело рук того, по фамилии Ван, — наконец сказал Вань Дунъян. Не успел он договорить, как его снова позвала невестка:

— Младший, ты что, ещё не пошёл за братом? Быстрее, яичница уже готова.

— Иду, — сказала матушка Вань, снова бросив на сына сердитый взгляд. — А ты объясни ему всё как следует.

Лю Цишуан ничего не понимал, но слова Вань Дунъяна он услышал, и на его лице появилась улыбка.

Вань Дунъян, стоявший рядом, увидел его улыбку и, вспомнив слова матери, понял, что был неправ.

— Прости, — сказал он.

Он и раньше собирался всё объяснить, но не придавал этому большого значения. Он думал, что дело прошлое, и лучше будет просто пригласить ребёнка в дом и накормить его. Теперь он понимал, что ошибался.

Добрая слава важнее любого угощения.

Вчера этот маленький гээр поступил правильно. Он был смелым, раз решился пойти против него, чтобы отстоять свою правоту.

Сказав это, Вань Дунъян объяснил, почему он не стал сразу же разоблачать Ван-гэра. Выслушав его, Лю Цишуан кивнул. На его лице не было ни обиды, ни грусти.

— Главное, что вы знаете, — сказал он. Главное, что Вань Дунъян знает, что это не он его толкнул, не он погубил рассаду.

Поступок Вань Дунъяна был вполне объясним. Ведь тот гээр нравился его дяде, как же он мог не позаботиться о нём?

Они с Вань Чанцином были не разлей вода, конечно, он должен был думать о нём.

Когда всё прояснилось и его доброе имя было восстановлено, Лю Цишуан почувствовал облегчение и радость. Вспомнив, как вела себя матушка Вань, он обрадовался ещё больше. Он понял, что это она велела ему всё объяснить. Тётушка Вань была самым лучшим человеком.

Но...

Почему она вдруг так поступила?

Лю Цишуан не был глуп. Вспомнив, как выглядел Вань Дунъян, когда вернулся, он понял, что матушка Вань только что обо всём узнала.

Но тут у него возник новый вопрос. Не успел он его сформулировать, как Вань Дунъян сам дал на него ответ.

— Я всё равно чувствовал, что поступил с тобой несправедливо, замяв то дело. Поэтому я и позвал тебя в дом на несколько дней, чтобы моя мать приготовила что-нибудь вкусное в качестве извинения. Я не собирался заставлять тебя работать. Так что не думай об этом, просто отдохни у нас несколько дней. А с тем, по фамилии Ван, мы разберёмся позже.

— Вчера мы упустили момент. Если сейчас пойти в дом семьи Ван, они ни в чём не признаются, а в деревне ещё и скажут, что мы, семья Вань, обижаем приезжих, — но это не означало, что дело было забыто. Вань Дунъян запомнил эту обиду и собирался со временем за неё отомстить.

Вань Дунъян всё ещё объяснял вчерашний случай, а Лю Цишуан уже думал о другом. Он смотрел на стоявшего рядом с ним человека широко раскрытыми, сияющими глазами, в которых плясали весёлые искорки.

Лю Цишуан и не подозревал, что Вань Дунъян позвал его в дом по этой причине.

Оказывается, он позвал его не работать, а отдыхать и есть вкусности. Поэтому, увидев, что он толчёт зерно, он и пошёл к тётушке Вань, чтобы рассказать ей о случившемся.

Кто такой Вань Дунъян? Деревенский задира, который никого не боится. А кто он? Бедный гээр, о котором даже собственные родители не заботятся. Его можно было обидеть, и ничего бы за это не было. А он придумал такой способ, чтобы загладить свою вину.

Он... тоже хороший человек.

Подумав об этом, Лю Цишуан отвёл взгляд. Щёки его залил жар, а кончики ушей предательски покраснели.

Вань Дунъян, увидев, что он не только не сердится, но и радуется, снова запутался.

Он не понимал. Разве этому маленькому гэру не нравился его дядя? Почему же тогда, услышав, что дяде нравится тот, по фамилии Ван, он так радуется?

Разве он и его мать не собирались выдать его замуж за дядю? Именно поэтому он и поверил

словам того гэра из семьи Ван.

<http://bllate.org/book/13415/1194068>